

АЛЕША

Простершись ниц на пажитях кровавых,
Они уснули в гордых мавзолеях:
В долинах, убранных пшеницей и цветами,
В высоких травах, в сумрачных траншеях.
В веках останутся их раны,
Апрелями и маями покрыты...

*Мигель Эрнандес
(перевод В. Картовой)*

Узкая белая дверь больничной палаты медленно открылась, и в комнату вошла пожилая женщина в синем костюмчике, в легком черном шарфике и в черном свитере, высоко закрывающем шею. Сделав несколько шагов по палате, она тихо проговорила: “Меня к вам поселили. Где здесь свободная койка?” Пустая кровать стояла рядом с моей. Спокойно и безмолвно женщина разложила свои вещи в тумбочке и, окончив это необходимое дело, повернулась ко всем: “Ну что ж, надо знакомиться. Меня зовут Нина Антоновна”.

Так началось мое знакомство с мамой погибшего в Афганистане лейтенанта Куланова. Стояли длинные июльские вечера. Ближе к ночи палата затихала, растворив в тишине последние звуки женских разговоров. Наша новая соседка обычно молчала, но порой, когда все спали, она тихо говорила мне: “Расскажи что-нибудь о прошлом”, – и мы шептались, вспоминая историю Вологодчины, Русской земли, иных стран.

И только года через два, уже в 1986-м, я услышала от нее рассказ о сыне...

В год и четыре месяца Алеша пошел в детские ясли, а затем в детсад. Часто болел, но рос подвижным и любознательным. Он наизусть знал “Доктора Айболита”, множество стихов и часто выступал на садиковских утренниках. В 60-е годы в Вологде работала балетная студия при Дворце культуры железнодорожников, которой руководил прекрасный балетмейстер Макс Миксер (впрочем, студия эта работает и поныне). Леше Куланову было пять лет, когда мама отвела его в студию в первый раз. Первым номе-

Очерк написан совместно с А. В. Галуниным.

ром, с которым он выступил, был танец “полька”. А потом были и роли, и даже в любимом “Докторе Айболите”.

Алеша одновременно учился в двух школах – в общеобразовательной и музыкальной. С четвертого класса пошел в среднюю школу № 1, где велось углубленное изучение английского языка, и Алеша старательно занимался английским. Живой и общительный, Алеша везде успевал. Можно диву даваться, как этого мальчика хватало на занятия плаванием и шахматы, на серьезную работу юнкора в областной радиогазете “Салют” и другие пионерские дела. В 4–6 классах Алексей был председателем совета отряда. Он не числился активистом на бумаге, а действительно активно работал: его отряду было присвоено имя Зои Космодемьянской. В седьмом классе Алешу избрали в городской штаб пионеров. Наградками за успехи в школьной и пионерской работе были билет на новогоднюю елку в Кремль и путевка в пионерлагерь “Орленок”.

Странные чувства испытываешь, когда перебираешь книги с особыми, поощрительными надписями – награды за призовые места в конкурсах, состязаниях; многочисленные грамоты, полученные в пионерлагере “Держинец”, где Алеша бывал почти ежегодно.

Говорят, талант никогда не бывает односторонним. Наверное, Алеша был очень талантлив. За что бы он ни брался, все у него получалось. В 1972 году “Красный Север” проводил краеведческую викторину – Алеша был участником и одним из призеров. Организовали математическую олимпиаду – и там он отличился.

Его разносторонние интересы счастливо уживались с заботой о маме и бабушке – самых дорогих ему людях.

В 1976 году Алексей Куланов поступил в Ленинградское суворовское училище. Как и в Вологде, он продолжал там заниматься спортом. Одаренный от природы, он успешно осваивал сложную учебную программу. В ряду памятных дней “суворовских” лет остался у Алеши день 60-летия Октябрьской революции, когда он в роте барабанщиков училища торжественным маршем прошел на параде по легендарной Дворцовой площади Ленинграда.

По окончании Ленинградского суворовского А. Куланов поступил в Бакинское высшее военно-командное училище. Быстро летели дни, до предела заполненные учебой и ученьями, складывались в годы, и чем труднее были будни, тем радостнее были короткие минуты отдыха. Курсантские каникулы (как прежде – суворовские)

Алексей проводил на родине с мамой и бабушкой, к которым был очень внимателен.

Служить молодому офицеру предстояло в Ашхабаде. В служебной характеристике на выпускника значилось: "За образцовую строевую выправку и выучку имел благодарность от командующего Краснознаменным Закавказским военным округом. В совершенстве знает оружие и технику. Хороший спортсмен. Неоднократно принимал участие в первенстве училища по боксу. При проведении стрельб все цели поражал с первого выстрела". Подготовка к жизни закончилась, начиналась трудная жизнь...

Алексей Федорович приступил к подготовке и тренировке солдат, уезжавших в Афганистан. Чем дальше, тем труднее было ему отправлять новобранцев туда, где шли бои, а самому оставаться в Союзе. Алексей продолжал изучать языки, получил удостоверение военного переводчика. Он писал рапорт за рапортом и добился своего.

5 мая 1984 года он прибыл в Кабул. Его встретил "салют" из желто-красных огней – наши "Грады" вели обстрел душманских позиций. Не успевшего вобрать в себя даже первые впечатления, Куланова на вертолете перебросили дальше – в Баграм. С аэродрома до штаба дивизии добирался на попутном бронетранспортере, замечая на ходу, в какую попал обстановку. Танки, лежавшие в кюветах, обгоревшие остовы КАМАЗов, израненная дорога – как это все было далеко от того, что он видел и читал в теле- и газетных репортажах из Афганистана!

Алексей получил назначение в 177-й мотострелковый полк, штаб которого дислоцировался в Джабаль-Уссарадже. Этот небольшой городок пререзала автомагистраль Кабул – Хайратон, названная афганской "дорогой жизни". В зону ответственности полка входила дорога от кишлака Доши (в районе Северного Саланга) до Баграма. На прилегающих территориях укреплял свое влияние Ахмад-Шах Масуд, командовавший крупными силами моджахедов. Бои шли жестокие и, казалось, нескончаемые.

Командир полка А. Ф. Кошкин, который все окрестные горы и "зеленку" излазил лично, не обещал спокойных дней. Он сухо вводил в обстановку, словно прикидывая, выстоит или нет в этом аду молодой лейтенант. Полк ежедневно нес потери в личном составе, но продолжал стойко охранять дорогу от Баграма до Саланга, отражая постоянные атаки душманов.

Алексея направили в батальон, который стоял в Гульбахаре. Этот населенный пункт всего-то в пяти километрах от Джабала, но – дорога открыта со всех сторон, ее старались проскочить на максимальной скорости. (Один из авторов этих строк 5 мая 1984 года чудом уцелел, попав в засаду: душман-гранатометчик промахнулся, граната попала в колесо машины, а бронезилет спас от осколков. Дружным огнем из пулеметов и автоматов войны подавили душманов).

Батальон в Гульбахаре тремя заставами оборонял мосты, ткацкую фабрику и, самое главное, вход в ущелье Панджшер. Здесь же стояло подразделение Царандоя*.

В Гульбахаре Алексей познакомился с А. В. Галуниным, замполитом пятой роты. Оба радовались встрече – ведь земляки-вологжане!

Куланов принял первый мотострелковый взвод. Солдаты смотрели на нового взводного изучающе: дескать, посмотрим, кто ты есть, когда в горы пойдем или в “зеленку”. А лейтенанта радовало то, что среди них были еще земляки: Сергей Кабанов, Сергей Бабкин, Михаил Баков.

Алешин взвод поставили на охрану фабрики. Каждый командир, принимая роту, взвод, должен сам убедиться в боевой готовности и исправности того, за что он отвечает. Так Куланов и поступил. Взвод занимал “опорный пункт” – старый разбитый глиняный дом. Из-за множества обстрелов оборона на этом участке была никуда не годной. Первым делом необходимо было отрыть в полный рост траншеи – не бегать же к дзотам и на КП под открытым огнем. Затем – превратить два бэтээра с неисправными двигателями в огневые точки. И еще – проверить оружие боем: ведь это значило для ребят их жизнь или смерть в бою. И для Алексея здесь не было мелочей – все своими пальцами перебрал. Службу, солдатскую честь – это каждый понимает по-своему. Ротный В. Дмитриев срочно запросил документацию, будто в бумажной работе главная живучесть обороны.

А тут Баков давно физподготовкой не занимался. И взводный должен сам заниматься с ним: “Миша, ты думаешь, мы в бою будем ползать? Мы бегать будем, быстро и много, только тогда увидишь свою маму в Союзе”.

* Царандой – афганская народная милиция. – *Примеч. сост.*

Старослужащие сначала без энтузиазма выполняли требования взводного: “Нам скоро домой, награды есть, пусть первогодки землю роют”. Кому охота в пятидесятиградусную жару глину и гальку долбить? Но когда увидели, как командир первым берется за кайло, лопату, лом, подтянулись с дисциплиной.

Правильно поется: “Мгновения спрессованы в года...” Вроде бы недавно прибыл, а сколько всего уже случилось: и обстрел машины, на которой он возвращался из полкового городка, и праздник Победы. И футбольный матч между афганцами и советскими солдатами. Куланов забил первый гол, и ему вручили приз – коробку конфет. Алексей Федорович тотчас же раздал конфеты афганским ребяташкам, которые бегали по футбольному полю. Он участвовал в соревнованиях по боксу и волейболу. На стадионе царило веселье. Казалось, война ушла. А потом были песни, и командир взял гитару:

Что с тобою, скажи,
Мне так тревожно...

Май, жаркий и зеленый, шел к концу. 25-го, в шестом часу, звонок поднял взводного, и Куланов услышал приказ срочно прибыть к комбату. Наспех умывшись в арыке, на ходу поправляя португую, он побежал в штаб.

А произошло вот что.

Два дня назад из Баграма в расположение батальона прибыли разведчики. Сутки вели наблюдение за многочисленным и хорошо вооруженным формированием Фариды. 24-го вечером они снялись и якобы ушли обратно в Баграм, на самом же деле ночью 25-го скрытно вернулись. Никто об этом не знал, кроме комбата, чтобы информация не просочилась к душманам. Разведчики ушли в рейд с заданием взять штаб этого душманского формирования. В те же дни в Панджшерском ущелье шли бои с отрядом Ахмад-Шаха, который рассчитывал, что Фарид оттянет на себя из ущелья часть наших сил. Но, лишенное управления, руководства, бандформирование Фариды сделать бы этого не смогло.

В лагерь моджахедов разведчики шли, оставляя на пути к вражескому кишлаку посты по два-три человека, чтобы выйти назад по этой же живой цепочке. Когда штаб был уничтожен, захвачены документы и “языки”, один из постов себя обнаружил. И тут наступил ад кромешный.

Разведчики не растерялись. Они сумели собраться в три группы и, ведя бой, стали организованно, без паники отходить. Духи проворонили разведку и теперь делали все, чтобы ее захватить.

Капитан, прибывший от разведчиков за помощью, торопил: бой шел неравный, есть убитые и раненые.

На выручку разведке бросили три роты, подразделение царандоя. Начала работать артиллерия, были подняты вертолеты...

Чтобы вплотную сблизиться с врагом, Алешиному взводу нужно было проскочить 700–800 метров мимо постов царандоя, которые уже вели бой с душманами с крыш своих крепостей* и домов.

Третья рота уже установила коридор, по которому разведчики могли выйти из окружения, но у нее не хватало сил держать этот коридор. Тут и подоспел взвод Куланова. За спинами Алешиных солдат разведка выносила своих убитых и раненых, переправляла пленных и ценные документы. Но позиция взвода была крайне невыгодной, простреливалась со всех сторон, и Алексей решил сменить ее: неизвестно, сколько времени пришлось бы драться, бой есть бой. К тому же вертолетчики торопили – ведь они видели, как бегут свежие силы душманов, которые того и гляди зайдут в тыл и вновь замкнут кольцо. Ситуация была критической. Не смени Алексей позицию, они всей группой могли бы погибнуть. Нужны были стены, чтобы укрыть людей. Куланов прикинул: через пшеничное поле можно перебежать к старому разрушенному строению, которое виднелось невдалеке.

В круговерти боя он заметил, что вертолетчики поливают огнем так, что вот-вот своих накроют. Алексей распорядился: “Аветян, ракету!” Духи тоже бьют так плотно, что Байрамалиев и Баков закрыли голову автоматами.

Строение совсем рядом. Но замолчал пулемет сержанта Бондаренко – заклинило. Куланов открыл огонь из автомата. Замолчал и второй пулемет.

В перебежке к развалинам дома Алексей первым открыл огонь. Расстрелял один магазин, другой. Ответный огонь душманов рвет воздух, совсем рядом срезает колосья. По Алексею бьют уже с двух сторон. Он ведь был

* В Афганистане глинобитные дома с их башнеобразной мужской половиной, узкими, как бойницы, окнами, крытыми дувалами напоминают старинные крепости. – *Примеч. сост.*

в обычном солдатском хэбэ, ремне-портупее, панаме с кокардой, тогда как бойцы – в маскхалатах. За спиной послышался короткий вскрик – это ранило Колю Бондаренко. Алексей обернулся – и в следующее мгновение пуля снайпера оборвала его жизнь.

Все случилось так молниеносно, что в первую секунду ребята оцепенели. Увидев, что душманы наседают на них, Аветян открыл огонь из подствольного гранатомета.

Бойцы бросились к взводному – думали, он еще жив.

Боль, горе, гнев – все смешалось в эти минуты в сердцах его ребят. Рядовые Олег Костенко, Каштан, Фридон Ашотия под пулями, передавая один другому, выносили своего командира и сержанта Бондаренко с поля боя. Рванул пулемет Сергей Кабанов, череповчанин, отходил в полный рост, прикрывая огнем товарищей, и, казалось, пулемет вырвется из рук – так силен был огонь...

Вот и все. Остальные солдаты из Алешиной группы живы – на последних метрах хадовцы* помогли.

Всего один бой, а семь человек погибли, пятнадцать получили тяжелые ранения.

Для лейтенанта Куланова это был первый и единственный бой. И он выложился в нем до конца.

“Он был мужественным парнем, верным офицером, доброжелательным. <...> Алексей Федорович всегда был с офицерами – офицер, а с солдатами он был всегда солдат, зато он заслужил уважение и любовь от товарищей. <...> С таким офицером можно было в любое задание идти и никого не бояться, он был нашим братом и нашей душой” – так написал о своем взводном Ф. Ашотия.

Бегут годы, весны проходят одна за другой, но нет мира на земле. И уже не в далеком Афгане, а в Грузии, Карабахе и даже в границах России смерть собирает свою обильную жатву. Отказывается мозг понять, что дружба народов – это миф, что солдатское братство – легенда...

Но ведь там, под пулями, были Аветян из Армении, Ашотия из Грузии, Каштан с Украины, наш земляк Кабанов. Они были вместе и не высчитывали, кто из них какой национальности, они вместе выносили погибшего командира – русского, вологодского парня. Неужели это великое братство народов навсегда уйдет в прошлое?..

Бывшие сослуживцы Алеши пишут его маме письма, и

* ХАД – служба безопасности ДРА. – *Примеч. сост.*

в одном из них я прочитала такие строки: “Он был скромный в личных вопросах своей жизни, но чувствовалось, что имеет немалый запас жизненных знаний и навыков, это проявлялось в постоянной его самостоятельности, инициативе, не дожидаясь, когда кто-то подскажет. Он все организует сам, и делает сам, причем доведет все до конца”.

А как нужны такие яркие личности сегодня, в трудный для Родины час...

Добавлю немного. Гроб с телом лейтенанта А. Ф. Куланова на “черном тюльпане” доставили в Союз. Похоронили Алешу на гражданском кладбище в Вологде, рядом с его любимой бабушкой. На надгробной плите мама попросила написать:

Ты Родину любил, как мать родную,
Но жизнь прожил короткую, как сон,
За мужество, за честь святую
Тебе, мой сын, большой земной поклон!

И смотрят прямо в душу с гранита, из-под армейской фуражки, такие молодые глаза!..

В. Карпова